

Станислав Востоков

БРАТ-ЮННАТ

Станислав Востоков

Брат-юннат

«Альбус Корвус»

2016

Востоков С. В.

Брат-юннат / С. В. Востоков — «Альбус Корвус», 2016

ISBN 978-5-001141-63-1

Если тебе немногим больше 14 лет, и мама против твоей поездки в кенийский национальный парк Найроби или на Мадагаскар, остаётся только прийти в зоопарк своего города, остановиться у калитки с надписью «Посторонним вход строго воспрещён!» и, набравшись смелости, спросить: – Рабочие нужны? Жизнь зоопарка за калиткой с предостерегающей надписью полна происшествий и приключений, о которых вы никогда не догадаетесь, глядя на птиц и животных в клетке из праздной толпы. В этой юмористической повести Станислав Востоков рассказывает о том, как начиналась его карьера натуралиста в 90-е годы.

ISBN 978-5-001141-63-1

© Востоков С. В., 2016

© Альбус Корвус, 2016

Содержание

1 клетка	6
2 клетка	9
3 клетка	12
4 клетка	15
5 клетка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Станислав Востоков

Брат-юннат

© Станислав Востоков, текст, 2016

© Вера Цепилова, иллюстрации, 2016

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2020

* * *

1 клетка

Многие идут в зоопарк, чтобы покататься на пони и съесть мороженое. Но мне это казалось слишком несерьёзным. Ведь я с детства был человеком основательным. И в зоопарке ценил прежде всего животных: оленей, лам и рыжих кенгуру. Тех существ, которых в обычной жизни можно увидеть лишь на экране телевизора да на фотографиях научно-популярных журналов. Иногда хорошие рисунки и фотографии животных встречаются в книгах. С них-то всё и началось.

Когда мне было четырнадцать лет, мама принесла книжку Джеральда Даррелла и сказала: – Вот что тебе нужно!

Да, это было действительно нужно! Как воздух. С первых страниц я почувствовал, что задыхаюсь среди бетонных коробок города и что мне надо туда, в африканскую саванну, в амазонскую сельву. Каменные джунгли меня не устраивали, требовались настоящие.

Я понял, что моё место рядом с бегущими через лес благородными оленями, в цепочке бредущих по горам лам. В крайнем случае между пасущихся рыжих кенгуру.

Ночью в мой сон влетали калифорнийские кондоры и снилась печальная вымершая птица додо. Я бежал через влажный лес с чёрными, как каучук, туземцами и ловил какое-то непонятное животное. Иногда оно напоминало ламу, иногда оленя. А временами у него вырастали кенгуриные ноги, на которых оно уносилось от меня к восходящему из-за края земли огромному солнцу. Я бежал к горизонту и, как ни удивительно, иногда добегал. Но солнце уже стояло высоко над головой.

Главной целью моей жизни стало получить укус какого-нибудь мощного животного, и я незамедлительно приступил к её достижению. Благо времени хватало – я только окончил восьмой класс и впереди были каникулы, весёлые и яркие, как узбекский узор хан-атлас.

Лучше всего было, конечно, уехать в Африку, в кенийский национальный парк Найроби или на Мадагаскар. Однако по некоторым соображениям от этого пришлось отказаться. Я был готов к тому, чтобы добираться до нужного места пешком. Но мама не готова была меня отпустить. Оставался Ташкентский зоопарк.

– Помнится, я ходила туда в кружок юннатов, – сказала мама.

– Чем же вы занимались? – поинтересовался я.

– Кроликами, – ответила мама.

Кроликами! Я мог бы ими заниматься при одном условии. Если б у них была шея оленя, глаза ламы и ноги кенгуру. Но у кроликов всё это отсутствовало. У них имелись одни уши. А я, как уже говорилось, с детства был личностью серьёзной.

«Коли уж идти в зоопарк, то на должность, – решил я. – Смотрителем тигров или слонов».

«Серьёзному человеку – основательное животное!» Таким был мой девиз.

Его могла прочитать в моих глазах кассирша, когда я пришёл устраиваться служителем в зоопарк. Но она считала, сколько я даю денег, и глаз моих не замечала.

У посетителей зоопарка в тот день было столько шариков, что было непонятно, почему они всем скопом куда-нибудь не улетели. Люди кидались то к клетке винторогих козлов, то к попугаям, то искали медведей. И кого же они хотели обнаружить в клетке с надписью «Бурый медведь»? Не разочаровывались ли, увидев именно медведя?

Но я клеток не разглядывал. Хотя к ламам, оленям и рыжему кенгуру завернул.

Главное было найти служителя. Я глядел в толпу, пытаюсь различить человека в спецовке, с метлой или с ведром. Но люди вокруг были одеты в платья, рубашки и узбекские тёплые халаты чапаны.

В поисках спецовки и метлы я миновал загоны с копытными и стал спускаться к хищникам. Стену тигрятника украшал огромный плакат с тигром, закатившим от ярости глаза. Однако живых хищников трудно было разглядеть за наслоениями мощных прутьев. Иногда из тёмной глубины тигрятника раздавался подземный рык, и тогда казалось, что это рычит тигр с плаката.

С другой стороны дорожки располагался загон с бассейном: он вместе с бортами был утоплен в землю на значительную глубину. В нём купался слон, который с каждым купанием утапливал бассейн всё глубже.

Табличка на следующем загоне гласила «Гепард». За решёткой простиралась земля, крепко заросшая высокой жёлтой травой. Хотя это и напоминало африканскую саванну, гепарда среди травы видно не было. Внезапно фрагмент «саванны» подпрыгнул над землёй и, обернувшись большой поджарой кошкой, побежал вдоль сетки. Публика дружно ахнула.

Удивляясь столь совершенной маскировке, я обогнул загон и снова начал двигаться к центру зоосада. Слева и справа тянулись одинаковые клетки. Но животные в них были разными: медведи, гиены и волки.

Вскоре я добрался до части зоопарка, которую населяли птицы.

Свернув в тесный проход между клетками, где плескались лебеди и утки, я увидел странный вольер. В нём стояла ванна. В ванне плавали льдины, в которые тыкала руками женщина, одетая в военную форму. Увиденное меня поразило.

Изучив вольер подробнее, я обнаружил калитку с надписью «Посторонним вход строго воспрещён!». Мне стало понятно, что женщина в военной форме не посторонняя и что ей разрешается стоять возле ванны и тыкать руками в льдины. А посторонний – это как раз я. И мне нельзя находиться возле ванны, а можно идти дальше и выходить из зоопарка.

Это меня категорически не устраивало, и я вошёл в калитку.

Бесшумно зайти не удалось, потому что калитка висела на одной петле. Женщина обратила ко мне лицо, и я увидел, что его покрывает макияж яркий, как боевая раскраска индейца. Глаза на лице я отыскал с трудом. По его сторонам болтались серьи таких размеров, что было непонятно, как человеческие уши могут вынести подобную тяжесть.

– Те чё? – спросила она.

Мне страшно захотелось ответить: «Ничё!» – и уйти. Но я сдержался. Я понимал, что от того, как я поведу себя в этот момент, зависит моя будущая карьера. И я спросил:

– Рабочие нужны?

2 клетка

Да, именно так я и сказал:

– Рабочие нужны?

Этот вопрос в моих устах, видимо, звучал странно. Но пока женщина в военной форме соображала, что ответить, я придумал новый:

– Чего это у вас дверь такая кривая?

Дверь и рабочий, который, может быть, нужен, встретились в голове женщины и слились в нечто такое, что трудно охватить человеческим разумом. Она попыталась их разъединить, но дверь и рабочий превратились в единое целое. В рабочую дверь. А может, и в дверного рабочего.

Выхватив из ванны рыбу, женщина бросилась в дом, который неожиданно обнаружился в конце вольтера. Серьги в её ушах сверкали, как аварийные огни машины.

Я подошёл к ванне, поглядеть, много ли там ещё рыбы. Рыбы было полно. Минтай, законный в ледяные брикеты, плавал по воде словно живой. Только голов у рыб не было. Лдины крутило течение.

Я отошёл и встал у калитки. Всё-таки я пока посторонний.

Женщина вышла во дворик и, не глядя на меня, снова начала тыкать руками в лдины. Разламывать их и доставать минтая.

Меня из головы она выкинула. Но калитка там, видимо, засела крепко.

– А не твое дело, какая у нас дверь кривая! – сказала вдруг женщина. – Ты вообще – посторонний!

Я хотел повторить вопрос про рабочего. Но говорить вроде было уже нечего. Какой же я рабочий, если посторонний? Надо было двигаться к выходу.

Однако тут во дворике появилось ещё одно лицо. И, что меня удивило, лицо это было в шортах.

Оно медленно жевало огромный бутерброд, сделанный сразу из половины батона, и разглядывало меня. Голову, где помещалось лицо, можно было приделать какому-нибудь ковбою с Дикого Запада. Нос у него был крючком, усы – орлом, подбородок – утёсом. Однако длинные волосы этой головы могли подойти и индейцу. Крошки сыпались с бутерброда на синюю футболку с надписью «Техас» и рисунком вставшей на дыбы лошади. Они скатывались по шортам и падали на резиновые шлёпанцы, которые называют сланцами.

Я понял, что усатое лицо меня изучает. Видимо, оно поделило с женщиной её мысли: ей оставило соображение о двери, а на себя взяло размышления о рабочем.

Судя по всему, мысли в голове с крючковатым носом были крепко связаны с жеванием. Когда бутерброд жевался, оно размышляло, а когда он закончился, приняло решение.

– Рабочие нам не нужны! – отрезал крючконосый.

Затем он по-ковбойски цыкнул зубом и подмигнул.

– А вот юннаты требуются. М-м?

«Юннаты? – досадливо подумал я. – Это что же, кролики? Длинные уши?»

– Это что, кролики? – спросил я.

– Почему кролики? – развёл руками «ковбой». – Это пеликаны, лебеди, цапли... и вот этот, который слева.

Я посмотрел налево. Там, за сеткой, продолжался ряд клеток, куда вклинивался дворик перед домом. В первой из них сидела бурого окраса хищная птица. Становилось неприятно оттого, что она сидит не на скале или дереве, как полагается хищникам, а на земле. Нахохлившись, птица смотрела на тонкую водяную струю в канальце, проходящем через клетку.

Хоть я и считал себя человеком, поднаторевшим в определении птиц, видовую принадлежность бурого хищника мне установить не удалось. В конце концов он был отнесён мною к коршунам. Потому что к ним я относил всех неизвестных мне птиц-хищников.

– Коршун? – небрежно поинтересовался я.

– Канюк, – ответил крючконосый и зевнул. – Ну так, м-м?

Я удивился, какой широкий смысловой спектр можно охватить простым мычанием.

Позже я узнал, что в арсенале крючконосого имеются также звуки «М-м!» и «М-м-м...», которыми он мог заменить все слова русского языка.

– Только у нас это бесплатно, – как бы случайно произнёс рот под носом-крючком. – Энтузиазм. Понимаешь?

Я-то понимал. К тому моменту я научился разбираться не только в птицах. Я с ходу разобрался в этом человеке и ясно представлял, как в его воображении формируется мой облик, сгорбленный под тяжестью огромного мешка, например с отрубями. По лицу человека в шор-

тах было видно, что такие мысли ему приятны. Он смотрел на меня глазами голубыми, как озеро Иссык-Куль, и ждал ответа. Он меня предупредил, и это снимало с него как с нанимателя какие-либо обязательства по отношению ко мне. В обмен на возможность входить в калитку я получал длительные часы уборки, перетаскивание тяжелых грузов и стояние в холодной воде бассейнов. То есть всё, что связано с понятием «юннат». Это был, как принято говорить, момент истины.

«Кто же он? – соображал крючконосый. – Рабочий или юннат? М-м?»

«Кто же я? – думал я. – Неужели юннат?»

В этот момент моя мечта могла повернуть изящную шею к невидимому горизонту, мигнуть чёрными глазами и унести от меня на огромных рыжих ногах. Нужно было жертвовать самолюбием.

И Я КИВНУЛ.

Древние говорили, что лучшие дела творятся в бескорыстном устремлении.

Я желал, чтобы дела мои были хороши, и потому устремился бесплатно. Но тогда я ещё не знал, до каких высот и глубин дойдёт мой энтузиазм.

Лёгким движением головы я закабалил себя если не на всю жизнь, то на длительную её часть.

Теперь в звуках, которые издавала крючконосая голова, слышалось торжество.

– М-м!!!

Лицо в шортах упёрло руки в голубые бока, отчего лошадь на груди сморщилась, и явно стало прикидывать, сколько килограммов я смогу унести зараз. Видимо, решив, что зараз я справлюсь с большим их количеством, усач протянул в моём направлении руку и сказал:

– Сергей!

Несколько секунд он стоял на крыльце с протянутой рукой, как один из памятников Ленину. Наконец я сообразил, что нужно подойти. Преодолев разделявшее нас расстояние, я пожал руку.

– Станислав.

Мне очень хотелось добавить «Владимирович», но я сдержался.

Наступила пауза. Чтобы её заполнить, мы стали смотреть внутрь затянутого сеткой ящика, что стоял во дворе. Там суетливо прыгал и пытался разглядеть внешний мир облезлый бесхвостый грач. Из-под ящика торчали старые лопаты, грабли и кетмени.

– Ну, пойдем, – наконец сказал Сергей и добавил: – Будем делать кормление!

3 клетка

За порогом дома я попал в облако пара. Он поднимался от громадного бака, который размерами мог поспорить с паровой трубой. Но стоял он не на корабле, а на грязной газовой плите, которую, очевидно, не мыли со дня производства.

Кастрюля-труба обдала меня влажным горячим дыханием, и я ощутил сложную смесь ароматов, где солировали свёкла и морковь, а также угадывались пшено, мясо и сохнувшие на верёвочке носки.

Напротив входа тянулся длинный деревянный ларь, похожий на старинный сундук с приданым. Его древняя крышка была откинута, и виднелись отделения, наполненные кукурузой, пшеном и прочим, что называют странным словосочетанием «сыпучие тела».

Слева от двери стоял громадный стол. Он был покрыт матовым железом и напоминал хоккейное ледяное поле. Только вместо игроков с клюшками на нём расположились ножи, тёрки и тазики. Место арбитра занимала выдавшая виды мясорубка.

Внутреннее пространство дома простиралось влево и вправо неожиданно далеко. Снаружи к зданию примыкала добрая половина клеток отдела. Помещение справа было отрезано от кухни железной сеткой и отводилось под зимники. Через небольшие окошки у пола они соединялись с летними выгулами. Время от времени за сеткой появлялась сумеречная фигура длинноногой птицы. Она делала несколько гвардейских шагов по зимнику и снова выбегала на улицу. Видно, натура у неё была беспокойная.

Мы с Сергеем направились в левое крыло, отданное под служебные помещения, и остановились перед двумя ведрами. В первом я увидел зерновую мешанку с тёртой свёклой и морковью. Второе наполнял обезглавленный серебристый минтай. Рыбьи хвосты торчали над краем ведра, как заводные ключи в огромном будильнике.

Сергей кивнул на хвосты.

– Бери рыбу!

Я оставил для равновесия левую руку, поднял ведро и всё же накренился под рыбьей тяжестью. Сергея такой энтузиазм обрадовал. Мой шеф понял, что со временем нагрузки можно будет значительно увеличить.

Он шагнул в тёмный угол и выхватил оттуда огромный сачок размером с гимнастический обруч. Его древко напоминало побывавшее не в одном турнире рыцарское копьё, а зелёная сетка на обруче – знамя некоего природолюбивого дворянского рода.

Сергей стукнул древком в пол, словно вызывая на бой окрестных феодалов.

– Будем делать кормление и ловление!

Моё сердце, и без того колотившееся под тяжестью ведра, забилося с нечеловеческой силой. Оно явно хотело выскочить из груди и убежать, чтобы не участвовать в непонятном ловлении.

«Ничего, – думал я, – главное – войти в клетку. Дальше будет проще».

Свободной рукой Сергей подхватил ведро с мешанкой и прикрылся им, как щитом.

– М-м?

Я перевёл это как «Пошли?».

Мы снова оказались на крыльце.

Сергей уже собирался открыть левую калитку, но вдруг поставил ведро на ступеньку и прислонил сачок к стене.

– Совсем забыл! Канюк-то не кормленный!

Я перекинул ведро в левую руку.

– Мяса бы! – Сергей в задумчивости укусил усы.

Я уже понял, что он был человеком практически. И голова у него работала как надо.

«Зачем же мясо, – решила она, – если есть рыба!»

Сергей выхватил ржавый нож, который был вставлен в ячейки сетки, и отрезал кусок минтая.

Повертев его зачем-то пред лицом и даже понюхав, Сергей открыл правую калитку.

«Верно, – думал я, – главное – войти в клетку. А дальше как по маслу».

Вдруг Сергей подскочил к птице, прижал её голову к земле и надавил коленом на бурую спину. Я глядел на это, разинув рот. Сергей завёл пальцы между челюстями хищника и принялся запихивать ему в глотку кусок рыбы.

Видимо, порция оказалась велика и глотать её канюку было трудно. Я почти физически ощутил напряжённость борьбы между птицей и человеком. Однако человек всё-таки сильнее. И канюку пришлось в этом убедиться.

– Ешь, ёлки зелёные! – Сергей, пыхтя, всунул кусок в такую глубину, из которой канюк вернуть его уже не смог.

Схватив хищника за лапы, Сергей подтащил его к бетонному каналу и влил в птичий рот немного воды. Канюк заглотал, и минтай пошёл по пищеводу. Процесс кормления поразил меня своей энергичностью.

Затем Сергей резко отбросил птицу, словно спортсмен, толкающий ядро. Канюк захватал лапами воздух, забил крыльями, но хватать было уже некого. Сергей вылетел во двор и со звоном захлопнул калитку.

Привалившись к ней снаружи, он некоторое время наблюдал, как канюк гневно танцует на мохнатых ногах боевой танец. Было видно, что он призывает Сергея сразиться в честном бою. Но дело было сделано.

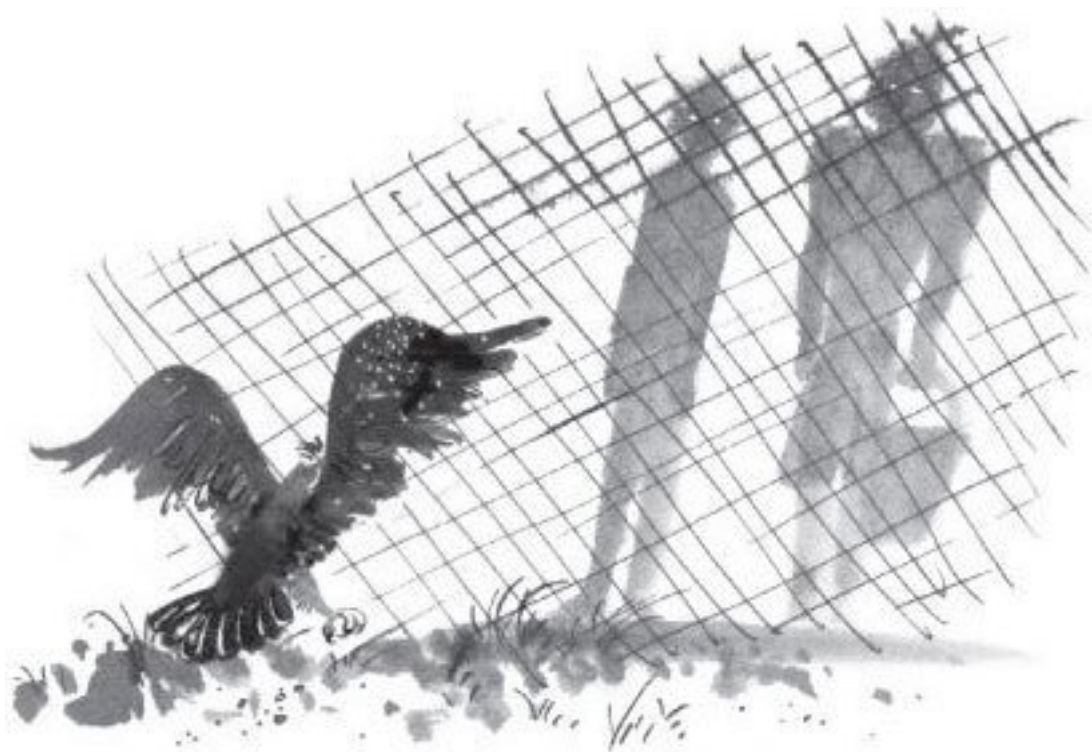
Сергей повернул ко мне нос-крючок и спросил:

– Что главное в работе с опасными животными?

– Войти в клетку? – предположил я.

Сергей покачал головой.

– Вовремя из неё выйти!

4 клетка

Сергей подхватил ведро с мешанкой, сачок и толкнул ногой левую дверцу. Я двинулся было следом, но остановился, увидев хозяина первой клетки. Опершись на одну лапу, как на сваю, а другую поджав к брюху, возле бетонного канальца дремал марабу.

При нашем появлении он открыл один глаз и стал следить за нами. Марабу был похож на деревянного идола, вырезанного диким африканским племенем. Лишь золотой глаз был живым, существующим будто отдельно от остального тела. Я с ужасом обнаружил, что изнутри клетки марабу кажется значительно больше, чем снаружи.

В первую очередь обращал на себя внимание огромный клюв цвета моржового клыка. Он покоился в пышном пуховом воротнике, словно меч в мягких ножнах. А ведь меч из ножен иногда вынимают! Например, чтобы сразить незваных гостей.

Клюв притягивал взгляд, и я уже ничего не видел, кроме этого белёсого клинка. Окружающий мир превратился в его сияние.

Близкое знакомство с марабу изменило ход моих мыслей.

– Какая птица в зоопарке самая опасная?

Сергей собирался войти в следующую клетку. Но мой вопрос заставил его остановиться и задуматься. Он вновь укусил усы, которые, очевидно, помогали ему сосредоточиться.

– Сложно сказать. – Сергей взглянул сквозь сетку в следующий вольер.

Там, нервно пританцовывая, ходила птица-секретарь. На её затылке волновались мягкие чёрные пучки. Казалось, что у неё за ушами заложены писарские перья. Глаза птицы глядели сквозь маску, вроде той, что носил знаменитый киноразбойник Зорро. Только у птицы-секретаря она была оригинального жёлтого цвета. Глядя на длинные короткопалые ноги, я вспомнил, что основной корм этой птицы – ядовитые змеи. Обнаружив их, она вот так начинает плясать вокруг, нанося удары ногами. И, что самое жуткое, ей совершенно всё равно, ядовитых змей она ест или нет. В её желудке и те и другие перевариваются с одинаковым успехом!

Пожалуй, такими ногами можно забить и кого-нибудь значительно крупнее змеи. Например, юнната.

Я вспомнил совет Сергея о своевременном выходе из клетки. Мне захотелось немедленно ему последовать.

Сергей целую минуту глубокомысленно созерцал коленца, которые выкидывал пернатый Зорро. Видимо, набор опасных обитателей птичьего отдела был велик. Наконец мой шеф ответил:

– Кто его знает! Может быть, Сашка-секретарь самый опасный, а может – марабу.

Повернувшись, Сергей также обозрел марабу.

– Хотя, может, и кондоры.

Кондоры! Тут же в памяти всплыла иллюстрация из романа «Дети капитана Гранта»: кондор несёт над горами мальчика. Этот мальчик был всего на два года младше меня.

– Журавль у нас гад большой, – продолжал Сергей. – Так что сложно сказать!

Мы вошли в следующую клетку. Сашка-секретарь ужасно вскрикнул и исчез в зимнике.

– Пеликаны клювом порезать могут. А лебедь-кликун – крылом ударить.

Я с оторопью понял, что ответить на мой вопрос действительно нелегко.

Мне вспомнилось, что ударом крыла лебедь-кликун убивает наповал лису. Раньше я как-то в этом сомневался. Но сейчас поверил бы, даже если б мне сказали, что он тем же способом убивает лося.

В следующую клетку я уже глядел выпученными глазами. Кто в ней? Разбойник-кондор или журавль-гад?

Но там суетливо крутилась россыпь чёрно-белых уток. Они были похожи на небольшие пароходы, которые то сталкивались друг с другом, то расплывались. Их красные лапы напоминали корабельные винты. Из клювов вырывалось шипение, сообщавшее о напряжённой работе двигателей. Над клювами торчали красные сигнальные наросты.

Особенно большими эти наросты были у одной почти белой утки. Они походили на колонию ракушек, облепившую судовой нос. Время от времени над головой утки, словно пар из трубы, поднимался белый боевой хохол.

При нашем появлении «пароходы» запыхтели сильнее и стали двигаться к дальней от нас сетке: её можно было сравнить с морским горизонтом.

«Утки хороши тем, – подумал я, – что они не опасные».

Сергей открыл новую дверь. Птичий отдел мне представился огромным лабиринтом клеток, к сердцу которого мы идем. А в конце, конечно, какая-нибудь гадость вроде Минотавра.

«Главное, – твердил я про себя, – вовремя отсюда убираться!»

Я уже собирался шагнуть в последнюю калитку, когда меня ущипнули за ногу. Мои нервы не выдержали. Несмотря на тяжёлое ведро, я подпрыгнул, умудрившись сделать в воздухе поворот к источнику нападения. У моих ног, словно закипающий чайник, булькала та самая почти белая утка, с гигантскими наростами на клюве. Хохол на её голове воинственно поднимался и опускался, призывая сородичей к атаке. Утка попятилась, высматривая наиболее уязвимое место. Затем снова запыхтела и, вытянув шею, ущипнула меня за щиколотку. Я вновь подпрыгнул и удивительным образом оказался в следующем большом загоне. Захлопнув калитку, я повернул к шефу своё, полагаю, очень побледневшее лицо.

Однако Сергей будто не заметил того, что со мной произошло. Он продолжал обдумывать мой вопрос и вскоре пришёл к окончательному выводу.

– Но самый вредный, конечно, Вахлак!

– Кто? – Я пытался отдышаться.

– Да мускусная утка! Которая у тебя за спиной!

5 клетка

Мы стояли у большого бассейна. Цементные берега извивались так причудливо, что его можно было принять за естественный водоем.

Поперёк бассейна, словно мост, лежало бревно. На нём сидели чёрные бакланы и озабоченно вертели головами, похожими на чайники. Под раскрытыми клювами трепетали жёлтые кожаные мешки.

На дальнем берегу собралась толпа серых и белых пеликанов. Среди них переваливался на чёрных кривых лапах огромный лебедь-кликун. Тот самый, который крылом убивает лису.

Стая пеликанов беспокойно топталась на месте и не знала, куда идти: влево или вправо.

Сергей согнул руки в локтях и выставил вперёд сачок, примеряясь к носатой толпе. Я волновался не меньше пеликанов, хотя, куда идти, не сомневался: к выходу. Самый маленький пеликан был мне по пояс, а его клюв – длиннее моей руки.

– Так, – прошептал Сергей, – кормим потом. Сперва их почикаем.

– Как почикаем?

– Ножницами. Ловим розовых, а потом кудрявых. Вон тех серых.

«Те серые» были особенно крупны. Залихватские кудри придавали им вид удалых деревенских парней. И мне предстояло лично убедиться в их разудалости.

– Обходи вдоль забора. Только осторожно – они нервные.

«А вдруг я тоже нервный?» – подумал я.

Но меня никто беречь не собирался.

Расставшись с ведром рыбы и таким образом оказавшись безоружным, я стал медленно обходить бассейн-пруд. Бакланы один за другим плюхались с бревна в воду, словно небольшие торпеды. Через несколько секунд они возникали на дальнем берегу и прятались за спины более крупных соседей.

Я перебрался через обширный пенёк и оказался на одном берегу с пеликанами. Ближайшие птицы, работая крыльями как локтями, попытались спрятаться в глубь толпы. Стая подавалась в сторону Сергея. Он не двигался, стараясь прикинуться неживым предметом, вроде столба.

Но когда птицы к нему приблизились, Сергей бросился вперёд и накрыл сачком ближайшего пеликана. Тот забился под сеткой, как огромная розовая бабочка.

Волна пеликанов в ужасе отхлынула. Но позади стоял я. Врезавшись в меня, волна разбилась на мелкие ручейки. Они обежали озеро и на противоположном берегу вновь собрались в толпу. Птицы в негодовании трясли розовыми и жёлтыми кожаными мешками. Лебедь-кликун молотил крыльями, видимо желая убить какую-нибудь лису.

В это время у выхода кипела битва. Пеликан в разных направлениях пронзал клювом сачок. Сергей навалился на пеликана сверху и стал похож на Георгия Победоносца, поражающего дракона. Только оружием моего шефа было не копьё, а собственное колено. Им он ловко

прижал птицу к земле. Позже я узнал, что этот лично им разработанный метод широко применяется в отделе. Сергей владел коленом виртуозно! Думаю, что, если бы понадобилось, он и слона бы прижал так, что тот бы не пикнул.

Наконец шефу удалось схватить пеликаний клюв.

– М-м! – прохрипел Сергей, и я понял, что это означает «Сюда!».

Пеликан смотрел сквозь сетку злым жёлтым глазом и, видимо от ярости, громко хрюкал.

Сергей ухитрился вынуть пеликана из сачка, не поднимая колена. Носач упёрся в землю крыльями, и Сергей, сидя на его хребте, стал качаться из стороны в сторону, как всадник на лошади.

– Достань ножницы из заднего кармана!

Я обогнул борющуюся группу и вынул ножницы из шорт шефа. Сзади человек и пеликан представлялись чем-то целым, вроде раненого сирина, который пытается взлететь. Вокруг поднимались клубы пыли.

Сергей облизал пересохшие губы.

– Оттяни правое крыло!

Я в нерешительности посмотрел на мощное крыло. Затем также облизал губы и схватил белые перья. Под ними я почувствовал лёгкие кости и очень крепкие мышцы. Я боязливо раскрыл крыло. Оно оказалось невероятного размера.

Пока я примерялся, какую часть пеликана отрезать, он вырвал крыло из моих рук и нанёс удар. Бассейн унёсся вдаль, а дверь загона, наоборот, резко приблизилась. Я обнаружил, что сижу на земле метрах в двух от пеликана. Возмущённый насилием, он отталкивался крыльями от земли и медленно поворачивался вокруг своей оси. Сидя на нём, поворачивался и Сергей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.